

ЕВРОПЕЙСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ:

события, оценки, прогнозы

Выпуск 45(61)
2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ РАЗРЯДКА?

Татьяна Пархалина

**«ЕВРОПЕЙСКИЙ PUZZLE»:
ЕС В ПОИСКАХ МОДЕЛЕЙ
ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ**

Юрий Никуличев

**«ВЫШЕГРАДСКАЯ ЧЕТВЕРКА»
В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА**

Юлия Щербакова

АРМИЯ ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ольга Новикова

ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ ИНФОРМАЦИИ
ПО ОБЩЕСТВЕННЫМ НАУКАМ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК (ИНИОН РАН)

ВОЗМОЖНА ЛИ НОВАЯ РАЗРЯДКА?

*Татьяна Пархалина,
заместитель директора ИНИОН РАН,
президент Ассоциации Евро-Атлантического сотрудничества*

Ключевые слова: новая система европейской безопасности, роль Евросоюза, НАТО, ЕС, стратегические интересы, кибервойны, холодная война, разрядка, администрация Д. Трампа, баланс сил.

Минули 100 дней президента США Д. Трампа после инаугурации. Закончились победой центристских сил выборы в Нидерландах и во Франции, и настал момент, когда России, почти избавившейся от иллюзорных надежд на чудо в связи со сменой политических режимов в ключевых странах Евро-Атлантики, необходимо трезво посмотреть на формирование элементов новой системы европейской безопасности.

Волна популизма, родившись по обе стороны Атлантики – в Великобритании (в связи с Брекзитом) и в США в контексте президентских выборов – была погашена в континентальной Европе. Элиты и граждане Старого света, сознавая свою ответственность перед будущим европейской интеграции, отдали свои голоса за те силы, которые обеспечивают континуитет в деле развития европейского интеграционного проекта.

Американский президент с поражающей воображение скоростью отказался от многих своих предвыборных обещаний, касающихся внутренней и внешней политики. В их числе: оценки НАТО – от устаревшей до основополагающей организации в сфере безопасности; трансатлантического торгового и инвестиционного партнерства (ТТИП) – от необходимости приостановить переговоры до их возобновления; роли ЕС – от ставки на развитие двусторонних отношений до признания ключевой роли этого интеграционного комплекса; в сфере международного порядка и безопасности – от планов отказаться от политики невмешательства в дела других стран – до удара крылатыми ракетами («Томагавками») по сирийскому аэродрому и посылки авианосцев к берегам Северной Кореи; в отношении России – от деклараций об установлении дружественных отношений и признания Крыма в составе РФ до дистанцирования (под давлением американского истеблишмента) от контактов с российским президентом до саммита Большой-20 в Гамбурге летом 2017 г.

Правда, необходимо признать, что визит госсекретаря США Р. Тиллерсена в Москву не был

отменен, поскольку, по всей видимости, главными адресатами военно-политического шоу с «Томагавками» была не Россия, а лидеры КНР и Северной Кореи. Состоялась встреча министра С. Лаврова с госсекретарем и президентом США в Вашингтоне, которая была оценена российской стороной как продуктивная. Однако уже понятно, что так называемая «большая сделка» между США и Россией не состоится. США в области международной политики придется учитывать мнение трансатлантических союзников, а Москве придется принять тот факт, что за спиной Европы не удастся договориться с Вашингтоном. А посему всем участникам евро-атлантической системы безопасности придется придерживаться норм и стандартов, разработанных и сложившихся в предыдущую постбиполярную эпоху.

Совершенно очевидно, что в условиях непредсказуемости, исходящей от американской администрации, Европа должна взять на себя больше ответственности за политику безопасности евроатлантического пространства. Однако различные восприятия угроз в странах Восточной и Южной Европы (членах ЕС), делают затруднительным выработку общего понимания новой роли Евросоюза. В этом контексте Германия предпринимает усилия, направленные на то, чтобы НАТО и ЕС планировали выработку взаимодополняющих, а не конкурирующих стратегий.

Два евроатлантических института – НАТО и ЕС – следующим образом сформулировали свою политику в отношении России: в случае ЕС – селективное сотрудничество, в случае с НАТО – сдерживание и диалог. Это, по сути, означает, что обе стороны будут продолжать существовать в парадигме сдерживания, что мы наблюдаем с 2014 г., но при этом сотрудничать по ключевым вопросам, касающимся их безопасности (например, борьба с терроризмом, наркотрафиком, торговлей людьми) и в ряде экономических проектов, определяющих их развитие, прежде всего это энергобезопасность.

В каких-то элементах подобный подход напоминает философию доклада Л. Армеля 1967 г., когда в отношениях с СССР тогдашний министр иностранных дел Бельгии предлагал базироваться на двух основах: сдерживании и разрядке. Последняя предполагала развитие процесса контроля над воо-

ружениями, экономическое сотрудничество и гуманитарные контакты, что впоследствии легло в основу так называемых «трех корзин» Хельсинкского Заключительного акта 1975 г., изменившего впоследствии политический ландшафт Европейского континента.

На протяжении полутора десятилетий после развала СССР, советского блока и окончания холодной войны, Россия – устами своих лидеров Б. Ельцина и В. Путина – декларировала, что является частью Европы и готова участвовать в формировании новой евро-атлантической системы безопасности. Этого не произошло – ответственность несут обе стороны, а система стала НАТО и ЕС – центричной. В настоящий момент ситуация гораздо сложнее в силу того, что обе стороны – и Россия и Запад – избавились от иллюзий и надежд, связанных с потенциальной возможностью интеграции России в Евро-Атлантику. Помимо этого отсутствуют (или не действует) механизмы и правила по предупреждению военных инцидентов.

Можно предположить, что у части российского политического класса и экспертного сообщества рассеялись иллюзии, связанные с возможностью договоренностей о второй Ялте или разделе сфер влияния, о достижении договоренностей по установлению новых правил игры или поведения в Европе, которые могут прийти на смену принципам Хельсинкского Заключительного акта и Парижской Хартии для Новой Европы. У элит так называемого коллективного Запада пришло осознание того, что Россия не хочет быть частью этого Запада с его институционально-нормативной базой, что Россия – это иная субстанция, с иной политической и стратегической культурами. По всей видимости, обе стороны пришли к пониманию необходимости существования (или как сказали бы французы – коабитации), лучше мирного, но на определенных условиях. Для создания этих условий необходим хотя бы какой-то уровень доверия, утерянного вследствие событий в Украине и в Сирии.

Несмотря на драматизм развития российско-западных отношений, обе стороны все еще констатируют наличие общих интересов. В сфере так называемой мягкой безопасности (*soft security*) это: борьба с организованной преступностью, транспортниковкой и распространением наркотиков – отмыванием денег (часть которых, кстати сказать, идет на финансирование террористов), с киберпреступностью, с нелегальной миграцией. В сфере жесткой безопасности (*hard security*) это: нераспространение оружия массового уничтожения и средств его доставки; нераспространение гонки вооружений на открытый космос; контроль за новыми (неядерными) видами вооружений; создание мер доверия и транспарентности в различных видах военной деятельности; вопросы, связанные с со-

зданием систем ПРО. Сферами потенциального сотрудничества могут быть также энергобезопасность (причем эта сфера должна быть деполитизирована), устойчивое развитие, изменение климата, разрешение международных конфликтов.

Сейчас совершенно ясно, что механизмы сотрудничества между Россией и Западом были явно недостаточными. В то же время, в соответствии со своим геополитическим положением два евроатлантических института – ЕС и НАТО – должны поддерживать геополитический баланс между Евро-Атлантикой, Евразией, Евро-Средиземноморским пространством и Африкой. В силу этого и ЕС, и НАТО вынуждены поддерживать баланс между США и Россией. Россия в соответствии со своим геополитическим положением должна поддерживать баланс между Евро-Атлантикой, Евразией и Азией – иными словами, между США, Евросоюзом и Китаем. Таким образом, можно констатировать, с одной стороны, совпадение геополитических, экономических интересов, интересов в сфере безопасности, особенно перед лицом качественно новых угроз, имеющих транснациональный характер; а с другой – фундаментальное несовпадение стратегических интересов России и Запада. Парадокс связан с тем, что яблоком раздора, предметом различной трактовки или непонимания являются механизмы выстраивания и поддержания балансов, когда Запад исходит из определенных норм и стандартов поведения государств и восприятия России как актора, который обязан им следовать, а Россия – из фактора достижения равного с ключевыми западными игроками статуса. Поэтому на Косово Россия «ответила» признанием независимости Абхазии и Южной Осетии, на попытки ассоциации Украины с Евро-Атлантикой – Крымом и поддержкой ЛНР–ДНР; на попытки свержения режима Асада в Сирии – операцией своих ВКС.

Как можно разорвать этот порочный круг? Есть ли сейчас, в период драматического обострения отношений по линии Россия–Запад, когда обе стороны считают, что они «перешли Рубикон», хотя бы какое-то окно возможностей для начала новой разрядки? Россия и Запад имеют абсолютно различные взгляды на причины нынешнего кризиса. По мнению Запада, начало его связано с присоединением Крыма и действиями РФ на Юго-Востоке Украины. По мнению России, с поддержкой Западом антигосударственного переворота в Киеве. Россия считает, что Запад перешел красную черту, поддержав Майдан в Украине и способствуя смене режима Януковича. Запад считает, что Россия вследствие мирной операции в Крыму привела к несогласованному изменению границ в Европе, нарушив территориальную целостность суверенного государства, гарантом чего она являлась в соответствии с Будапештским меморандумом 1994 г. Именно по-

этому, повесткой дня НАТО, которая была вынуждена ответить на озабоченности и страх ряда своих членов (стран Балтии и Польши), является ныне так называемая адаптация коллективной обороны к новым условиям через такие инструменты как строительство односторонних рубежей Альянса и процесс расширения в качестве адаптации к кризисному реагированию. Альянс также готовит новую стратегическую концепцию, которая, по всей видимости, будет принята через два года. Повесткой дня для России является укрепление и модернизация своих вооруженных сил, переброска на западное направление двух мотострелковых бригад и формирование трех танковых дивизий. Таким образом, серьезно увеличивается плотность войск по обе стороны границы, что не может не являться вызовом для европейской безопасности, частично возвращая систему к условиям противостояния – хотя и на гораздо более низком уровне – времен биполярной конфронтации. В условиях гибридных и кибер-войн в оборонные планы обеих сторон включаются и методы ведения так сказать «боевых действий» друг против друга в интернет-пространстве, прежде всего в социальных сетях, что неизбежно приводит к изменению массового сознания через изменение смыслов.

Какие возможности по снижению уровня напряженности существуют на сегодняшний день, исходя из того факта, что обе стороны, по крайней мере на декларативном уровне, признают принципы Хельсинкского Заключительного акта и Парижской хартии. Среди прочего следующие:

– «С прекращением раскола Европы, мы будем стремиться признать новое качество наших отношений в сфере безопасности при полном уважении сохраняющейся за каждым свободой выбора в этой области».

– «Мы полностью признаем свободу государств выбирать способ обеспечения собственной безопасности».

– «Хотя угроза конфликта в Европе уменьшилась, другие опасности угрожают стабильности наших обществ. Мы намерены сотрудничать в деле защиты демократических институтов от действий, нарушающих независимость, суверенное равенство или территориальную целостность государств-членов. К ним относятся незаконные действия, включающие давление извне, принуждение и подрывную деятельность»¹.

Прежде всего, необходим аудит того, что произошло после окончания второй холодной войны 50–80-х годов прошлого века. Существует договоренность о создании комиссии по инвентаризации российско-американских отношений, достигнутая в

ходе первого визита госсекретаря США в Москву в апреле 2017 г. Но этого явно недостаточно, поскольку Европа играет существенную роль в формировании повестки дня в сфере безопасности Запада. Необходимо разблокировать или, если угодно, начать новые переговоры по контролю над вооружениями, как обычными, так и ядерными, которые, не имея того стратегического значения, как это было в эпоху холодной войны, способны тем не менее создать хоть какой-то уровень доверия между сторонами. По всей видимости, речь пойдет об иной системе контроля над вооружениями, сочетающей в себе элементы мер доверия и договоренностей по различным видам стратегических, тактических ядерных и конвенциональных вооружений. Необходим механизм управления кризисами (crisis-management) в Европе, который, как показали события в и вокруг Украины, начисто отсутствует. Необходимо разблокировать российско-западные отношения через обсуждение общих правил поведения и принципов, а также через создание новых форматов (возможно сначала неформальных), не следует игнорировать такие классические инструменты ОБСЕ, как меры раннего предупреждения кризисов и превентивную дипломатию.

Разблокирование отношений будет проходить на очень сложном фоне: когда НАТО будет укреплять трансатлантические отношения (этот пункт включен в повестку дня неформального саммита в Брюсселе в конце мая 2017 г.) и не откажется от «политики открытых дверей» (ст. 10 Вашингтонского договора, т.е. расширение Альянса); когда Россия, несмотря на ситуацию в экономике, будет добиваться так называемого «равного» статуса с США и НАТО в решении международных конфликтов в третьих регионах через милитаризацию своего присутствия. Тем не менее оно (разблокирование) совершенно необходимо, ибо альтернативой является жесткая конфронтация, могущая перейти в формы горячего конфликта.

Давайте не будем забывать, что предыдущая разрядка началась после ввода советских войск в Чехословакию, т.е. тогда, когда казалось, что для нее абсолютно нет предпосылок, когда реализовалась так называемая «доктрина Брежнева», когда взаимное сдерживание превзошло все смысловые пределы и Европа была просто напичкана оружием. В настоящий момент ситуация – на более низком уровне – напоминает конец 60-х годов. Надеяться на то, что само собой все рассосется, явно не следует. Для начала реальных переговоров, когда обе стороны не будут обвинять друг друга, а начнут разрабатывать пути разблокирования отношений, иначе говоря, пути выхода из кризиса, необходима политическая воля лидеров – американских, европейских и российских, осознающих ответственность перед своими странами и за будущее Европы и мира.

¹ Парижская хартия для Новой Европы. <https://www.OSCE.org/ru/me/39520?clowload=true>

Необходимо восстановить диалог по техническим вопросам безопасности (например, проблема транспондеров) еще до того, как будут начаты переговоры по более широким обязательствам в сфере европейской безопасности. Платформой и для того, и для другого может быть площадка ОБСЕ. Следует серьезно относиться к предложению Штайнмайера по структурному диалогу в рамках ОБСЕ по контролю над вооружениями.

Возможно, поскольку проблема «сохранения лица» играет существенную роль, диалог о судьбах новой разрядки должен быть начат на экспертном уровне, где могут быть обсуждены и «сняты» серь-

езные противоречия. Эксперты должны при этом нести ответственность – не столько за трансляцию идей политического руководства, сколько за действительно самостоятельные оценки и подходы, которые могут привести к развязыванию ряда узловых проблем. Возможно, вновь вернулось время «непубличной» дипломатии, когда без журналистов могут обсуждаться вопросы достижения определенных договоренностей. Иными словами, необходимо готовить новую разрядку с использованием официальных и неофициальных каналов.

«ЕВРОПЕЙСКИЙ PUZZLE»: ЕС В ПОИСКАХ МОДЕЛЕЙ ДАЛЬНЕЙШЕГО РАЗВИТИЯ

Юрий Никуличев,

ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН

Ключевые слова: Саммит ЕС, разноскоростная Европа, Еврозона, Вышеградская группа, евроскептики, сценарии будущего развития ЕС.

Начиная с саммита Европейского союза в Брюсселе (октябрь 2011 г.), когда тогдашний президент Франции Н. Саркози заявил о явно проявляющихся контурах «двух Европ» в ЕС, в центре дискуссий о будущем европейского проекта утвердилось одно «хорошо забытое старое» – тема разноскоростной интеграции. Принципиально новым в сегодняшних дискуссиях является то, что идея «разноскоростной Европы» крайне актуализировалась. Это уже не предмет академических изысканий, где давно было показано, что ЕС развивался разноскоростным образом, по меньшей мере с 1970–1980-х годов, а вопрос практической политики настолько злободневный, что требует от европейских элит каких-то новых стратегических решений. Мы сегодня не скажем (как о том говорят некоторые), что Европейский союз «разваливается». Очевидно, однако, что это кризис прежней модели внутрисоюзных отношений. Канувшую в прошлое

политическую солидарность внутри ЕС можно считать наиболее зримым выражением этого кризиса. Brexit в данном случае – это, строго говоря, лишь «эпизод», который не представлял бы критически серьезной угрозы для основ Союза, не образуясь в нем новых линий раскола. Но для сегодняшней европейской ситуации характерно именно это – множественность почти одномоментно или в порядке быстрой последовательности возникающих вызовов и угроз. Соответственно, сегодня здесь нет и какой-либо единой «повестки дня» – их несколько, и каждая из таких «повесток» отражает какой-то свой ракурс «европейского кризиса», будь то все тот же Brexit или миграционная проблема, экономические противоречия внутри ЕС или повсеместное нарастание «евроскептицизма». Ситуацию можно уподобить известной игре «puzzle»: на каждом элементе четко прорисована своя частичка целого, но как все это сложить воедино?

Картину сегодняшнего ЕС, очевидно, необходимо выстраивать, отталкиваясь от тех внутрисоюзных различий, которые накапливались в последние годы. Это линии усиливающейся фрагментации

по градиентам Север–Юг и Запад–Восток. С известными оговорками можно сказать, что в первом случае преобладают экономические противоречия, во втором – политические, вместе как раз образуя ту множественность повесток дня и вызовов, которые сегодня стоят перед Союзом.

По экономико-географическим основаниям к понятию «Север» Европейского союза относят страны Еврозоны – Австрию, Бельгию, Германию, Люксембург, Нидерланды, Норвегию, Финляндию, Францию и Швейцарию, а также Данию и Швецию, находящиеся вне зоны евро (и Великобританию, представляющую сегодня особый случай). Юг в этой дихотомии – это члены Еврозоны Греция, Испания, Италия и Португалия, в европейских СМИ объединяемые неблагозвучной аббревиатурой PIGS (Portugal, Italy, Greece, Spain).

Периферия Еврозоны – Юг ЕС – сегодня находится в ситуации глубокого и притом разрастающегося экономического кризиса. При среднем уровне безработицы в пределах от 13 до 20% здесь насчитывается 30 регионов, где ею поражено существенно больше 20% трудоспособного населения: в испанской Андалусии, например, эта цифра на январь 2015 г. составляла 34,8%¹. В отдельные годы последнего десятилетия темпы роста южных экономик ЕС опускались до почти нулевых или даже отрицательных отметок. В период с 2008 по 2014 г. в Европе было отмечено 38 регионов, где местный валовый продукт на душу населения сократился более чем на 10% относительно средних по ЕС показателей: 12 из этих регионов находятся в Греции, 14 – в Испании и 7 – в Италии; в трех греческих регионах падение составило свыше 26%². Долговые обязательства стран Юга по отношению к их ВВП составляют (округленно) 182% у Греции, 132% у Италии, 130% у Португалии и 104% у Испании. В этой ситуации достаточно небольшого толчка и в Европе разразится финансовый и общеэкономический кризис гораздо более масштабный и драматичный, чем это было в 2007–2008 гг. К такому развитию событий, считают наблюдатели, может привести назревающий кризис банковской системы Италии: с высокой степенью вероятности он может начаться уже в 2017 г.³ Еврозона – главный интеграционный проект ЕС – оказывается перед серьезнейшей угрозой. Но перспективы евро – это не просто валютная проблема: по выражению А. Меркель, «рухнет евро – рухнет Европа».

¹ In Focus: Europe's uneven development [электронный ресурс]. Режим доступа – www.viewsoftheworld.net/?p=4650.

² GDP at regional level – Statistics Explained – European Commission [электронный ресурс]. Режим доступа – ec.europa.eu/eurostat/statistics.../GDP_at_regional_level

³ Italy will be the next big problem in Europe [электронный ресурс]. Режим доступа – www.businessinsider.com/italy-germany-and-the-eu-are-on-t...

Противоречия по линии Запад–Восток в Европейском союзе на сегодняшний день не столь драматичны; характерно, однако, то, что они приобрели систематический – «структурный» – характер, резко отделяя одну группу государств от остального союза. В Европейском союзе, как известно, немало «евроскептических» движений и партий, но только у Вышеградской четверки (Польша, Венгрия, Чехия и Словакия) оппозиция по отношению к «брюссельской бюрократии», подспудная или открытая, выражается на государственном уровне. Перед политическими элитами этих стран не стоит дилемма «больше интеграции» или «меньше интеграции»: под вопросом для них – сложившаяся система отношений внутри Союза в целом. В их понимании Брюсселю передано «слишком много национального суверенитета»; как результат – ЕС поражен «дефицитом демократии», «засильем бюрократии», «склонностью к диктату», «доминированием интересов европейского мейнстрима», «гегемонией Германии» и т.д. Всему этому Вышеградская группа стремится найти свои противовесы: наиболее выраженным образом это проявилось в их оппозиции Брюсселю (и при этом конкретно Берлину) в вопросах переселения и устройства беженцев.

В Вышеградской группе выделяется так называемый «нелиберальный (illiberal) тандем» Венгрии и Польши. Показателен тот вопрос, который в октябре 2016 г. был вынесен на венгерский референдум по поводу миграционной политики ЕС: «Имеет ли право ЕС в обход национального собрания распределять иностранных граждан для расселения на территории Венгрии?» (98,3% голосовавших ответили «нет»)⁴. Официальная позиция Будапешта при этом заключалась и заключается в том, что квоты на беженцев должны распространяться только на те страны, которые готовы добровольно участвовать в такого рода соглашениях – прямой резонанс с дискуссией, идущей в кругах ЕС, где на перспективу обсуждается более широкое применение принципа отказа (opting-out) государства от участия в той или иной программе Союза.

Но настоящей «головной болью Брюсселя» (расхожий штамп европейской прессы) становится Польша. В стране лишь одна из крупных политических партий – Гражданская платформа – стоит на безусловно проевропейских позициях; остальные в большей или меньшей степени обнаруживают евроскептическую тенденцию – позиция, в особенности характерная для партии Право и Справедливость (ПиС) во главе с нынешним премьер-министром Польши Я. Качинским. Партию характеризуют как «правую», «национально-консерва-

⁴ Евросоюз не победил Орбана [электронный ресурс]. Режим доступа – <https://www.gazeta.ru> > Политика > В мире.

тивную» и «христианско-демократическую»: на уровне политических ценностей она, таким образом, принципиально «либеральна», что периодически и приводит польское руководство к конфликтам с «либеральной Европой». Как недавно заявила премьер-министр Польши Беата Шидло, «мы не допустим никакого шантажа со стороны Евросоюза. Мы не будем участвовать в безумии брюссельских элит... У нас есть смелость, чтобы задать вопрос политическим элитам в Европе: куда вы идете? Куда идешь ты, Европа? Просыпайся от лютаргического сна, иначе ты будешь каждый день оплакивать своих детей»¹. Важно, однако, подчеркнуть: польский «евроскептицизм» никогда еще не перерастал в линию поведения по модели Brexit. Страна является крупнейшим бенефициарием программ ЕС, общество демонстрирует высокий (хотя в последнее время и несколько сокращающийся) уровень поддержки «европейского проекта» и о каких-либо принципиально непримиримых противоречиях с Брюсселем речи в данном случае нет.

Еще одна плоскость анализа, необходимая для уяснения перспектив ЕС, это политические процессы, происходящие в «ядре» Союза. В узком смысле под «ядром» в данном случае понимается «каролингская Европа», охватывающая Германию, Францию, Бельгию и Голландию, в более широком – вся достаточно благополучная и устойчивая зона вокруг этого центра, включая Скандинавию². Сегодня перспективы ЕС здесь обсуждаются преимущественно в плоскости партийно-политической борьбы ввиду ближайших общенациональных выборов (и в связи с такими, например, вопросами как «взорвет ли Марин Ле Пен Европейский Союз?»), но, возможно, более солидной основой для средне- и долгосрочных прогнозов явилось бы уяснение динамики общественного мнения в отношении ЕС. Социологический анализ показывает, что во Франции уровень общественной поддержки Союза неуклонно (хотя и с колебаниями) падает с 1988 г., а негативное отношение к нему усиливается начиная с 1973 г., но особенно резко – с 1992 г.³ В Германии при достаточно высоком общем уровне поддержки ЕС (примерно 70%) 71% респондентов тем не менее считают, что «их голоса не доходят до Брюсселя»⁴. В Нидерлан-

дах лишь 53% опрошенных в 2016 г. высказались против национального референдума по типу Brexit'a, а 47% поддержали эту идею или не дали определенного ответа⁵. «Социология проблемы», таким образом, ясно указывает на то, что независимо от результатов ближайших выборов в этих странах, «ядро» ЕС отнюдь не застраховано от серьезных проблем в будущем.

Если свести воедино все соображения аналитиков относительно перспектив Европейского союза, получим следующие сценарии.

Сценарий «Инерционный». Сценарий этот в основном зиждется на том допущении, что в Европе начнется серьезный экономический рост и на этой основе она «каким-то образом» сможет решать те проблемы, которые возникли на ее периферии, – в частности, в Греции. При таком развитии событий, если оно в принципе возможно, объединенная Европа сможет и впредь функционировать в рамках тех способов принятия коллективных решений, которые сложились исторически, углубляя интеграцию и находя способы разрешения возникающих проблем, пусть даже делать это будет все сложнее и сложнее. Данный сценарий следует признать исключительно маловероятным: собственно, и в европейских кругах он именно так и воспринимается.

Сценарий «Двухскоростная Европа». В этом сценарии ЕС эволюционирует в направлении двуединой структуры, объединяющей страны «ядра», с одной стороны, и «периферии» – с другой; «периферия» при этом располагает возможностями с той или иной степенью свободы выбирать те программы («политики») ЕС, в которых она готова участвовать, отказываясь от участия в других программах. Сегодня, по существу, это официальная позиция ЕС, провозглашенная в Римской декларации по итогам саммита в ознаменование 60-летия организации (март 2017 г.) Согласно тексту декларации, государства-участники готовы «действовать сообща, чтобы продвигаться в одном направлении, даже если для этого потребуются разные темпы и усилия»⁶.

Идея «разноскоростной Европы», отмечают аналитики, в действительности не является новой: в европейской практике она уже много лет как воплощена в той «разной геометрии» ЕС, которая не совпадает для участников в целом ряде отношений – еврозоны, Шенгена, оборонной политики, правосудия и внутренней политики. Кроме того, сегодня невозможно прогнозировать, чем обернут-

¹ Boulevard Voltaire: Польша призывает Европу проснуться от «лютаргического сна» [электронный ресурс]. Режим доступа – <https://russian.rt.com/inotv/2017-05-29/Boulevard-Voltaire-Polsha-prizivaet-Evropu>

² См., напр.: George Friedman. Notes from Europe's Periphery – Geopolitical Futures [электронный ресурс]. Режим доступа – <https://geopoliticalfutures.com/notes-europes-periphery/>

³ Euroscepticism: the root causes and how to address them [электронный ресурс]. Режим доступа – https://eu.boell.org/.../euroscepticism_the_root_causes.

⁴ European Union and public opinion | Pew Research Center [электронный ресурс]. Режим доступа – www.pewresearch.org/.../5-key-takeaways-from-the-europea

⁵ Could the Netherlands ever hold a referendum on EU membership [электронный ресурс]. Режим доступа – www.debatingeurope.eu/.../could-the-netherlands-ever-hold

⁶ Two-Speed Europe: A Plan For EU Unity Or Disintegration? [электронный ресурс]. Режим доступа – <https://www.rferl.org/.../eu...two-speed-multispeed-europe/>

ся «две скорости» для Союза в будущем – «выходом из положения» или дальнейшей дезинтеграцией. Так, Вышеградская группа, – и в особенности Польша, например, – принципиально не приемлет всей этой концепции, усматривая в ней заведомое проявление неравенства во внутрисоюзных отношениях. Наконец, проблемой остается вопрос, сколько именно «скоростей» потребуется ЕС, чтобы остановить процессы собственной фрагментации, чтобы не сказать раскола, – две, три или больше?

Сценарий «Менее тесная интеграция в основном на межправительственной основе». В этом сценарии интеграционный процесс в ЕС замедляется или даже обращается вспять; при этом происходит частичное «возвращение суверенитета» национальным государствам в отношении тех или иных «политик», осуществляемых в Союзе, а интеграционные проекты осуществляются по выбору и на

межгосударственной (а не общесоюзной) основе. Как вариант, ЕС в этом сценарии продолжает углублять интеграцию в принципиально важных для него областях – например, в том, что касается Еврозоны или оборонной политики, во всем остальном предоставляя своим участникам большую или меньшую свободу действий, в том числе свободу осуществлять интеграционные проекты за пределами сегодняшнего ЕС. Представляется, что на перспективу именно такой сценарий следует признать наиболее реалистичным, гибким и жизнеспособным. В ближайшие годы, по-видимому, можно будет наблюдать, как концепт «разноскоростной Европы» будет эволюционировать именно в этом направлении – в направлении ослабления одних интеграционных связей в Евросоюзе и становления других.

«ВЫШЕГРАДСКАЯ ЧЕТВЕРКА» В КОНТЕКСТЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

Юлия Щербакова,

старший научный сотрудник Отдела Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: Чехия, Венгрия, Словакия, Польша, Центральная Европа, сотрудничество, миграционный кризис, интеграция, регион.

В настоящее время мы являемся свидетелями глубокого общеевропейского кризиса. Все громче звучат голоса, заявляющие, что будущая Европа не будет ни по-настоящему единой, т.е. унитарной или федеративной, ни Европой национальных государств, связанных между собой чем-то вроде конфедеративных отношений, а будет Европой регионов. Именно на региональный уровень, по мнению сторонников данной теории, перейдет большая часть полномочий, сосредоточенных ныне в руках нацио-

нальных правительств и брюссельской «еврократии» – органов Евросоюза. Региональное сотрудничество представляет в этом отношении разумный компромисс, находясь между «еврократическим» и национально-государственным уровнями управления. В рамках ЕС уже существует весьма успешная модель такого сотрудничества – Бенилюкс (Бельгия, Нидерланды, Люксембург). Черты мощного регионального объединения приобретает и франко-германский тандем, есть неплохие перспективы взаимодействия у Скандинавских стран, а в Центральной Европе с переменным успехом, но в целом полезно для всех ее участников работает «Вышеградская четверка» (Венгрия, Польша, Словакия, Чехия).

В настоящее время сотрудничество стран Вышеградской группы¹ (Польша, Венгрия, Чехия, Словакия) или V4 может быть определено как четко профилированная инициатива в Центральной Европе. Вышеградская группа приобрела хорошую репутацию в качестве катализатора интеграционных процессов, и как пример прагматичного функционирования многостороннего сотрудничества в регионе, и как символ стабильности в Центральной Европе (в отличие от неустойчивого Балканского региона). И тем не менее довольно часто политики и исследователи задаются вопросом, позволяет ли современное состояние вышеградского сотрудничества считать V4 жизнеспособным региональным объединением с общими интересами? Каковы причины возникновения, цели, основные этапы и перспективы развития этой группы?

Вышеградская группа образовалась в 1991 г., в период, когда уже была predetermined судьба ОВД и СЭВ, произошло воссоединение двух Германий, но еще не было четкого видения перспектив интеграции с ЕС и НАТО. Тогда же, после ухода советских войск, председатель Комиссии по иностранным делам Конгресса США Л. Иглбергер открыто оповестил мир о намерении США остаться в Европе в качестве гаранта ее стабильности. Спешно начались поиски стран и комбинаций восточноевропейских государств, способных стать основой стабильности по западному образцу.

«Декларация о сотрудничестве Чехословацкой Федеративной Республики, Республики Польши и Венгерской Республики» была подписана 15 февраля 1991 г. в Вышеграде. К основным факторам, определяющим возникновение данной группы помимо внешнего и прежде всего американского влияния могут быть отнесены, в частности, – усилия, направленные на ликвидацию остатков коммунистического блока в Центральной Европе; усилия, направленные на преодоление исторически обусловленной враждебности между странами Центральной Европы; убеждение, что совместными усилиями будет легче добиться совмещения поставленных целей, т.е. для успешного осуществления внутренних социальных преобразований и включения в процесс европейской интеграции. Важным определяющим фактором являлась также идеологическая близость находящейся у власти в этих странах политической элиты. По замыслу ее кураторов из США Вышеградской группе отводилась роль своеобразной «буферной зоны» между развитой Западной Европой и территорией нестабильности распавшегося СССР. Впоследствии страны Вышеградской группы стали основными акторами в проводимой ЕС политике «Восточного партнерства».

Сами государства региона – Польша, Чехословакия и Венгрия – тогда, после роспуска СЭВ и ОВД, рассматривали такое временное, отчасти неформальное объединение как вариант преодоления европейской изоляции, более или менее равноправного партнерства и главным образом – заполнения вакуума общения в регионе, наступившего здесь после распада СЭВ и ОВД. Основные задачи этой организации, зафиксированные в декларации, носили скорее декларативный, политический характер, более призванный обозначить новую внутри- и внешнеполитическую ориентацию этих стран, нежели какие-то конкретные механизмы сотрудничества. К ним относились:

- укрепление на новой основе государственного суверенитета, демократии и свободы;
- уничтожение всех остатков тоталитаризма в социальной, экономической и духовной сферах жизни общества;
- построение парламентской демократии, современного правового государства и уважение прав человека, основных свобод;
- введение современной рыночной экономики;
- полное включение стран-участниц в систему европейской политики, экономики, права и безопасности².

Первоначально совместное стремление к сотрудничеству нового типа хотя и было выражено в предлагаемых декларацией практических шагах, но их формулировки были зачастую слишком общими и не имели обязательного характера. Пожалуй, единственным несомненным успехом Вышеградской группы на первом этапе ее существования (1991–2004) можно считать создание в 1992 г. Центрально-европейской зоны свободной торговли (ЦЕФТА). Странам Вышеградской группы удалось создать общее таможенное пространство еще до вступления в ЕС. Двигателем этого решения было понимание того обстоятельства, что оно в любом случае выступает неизбежным шагом на пути в ЕС. И хотя срок деятельности ЦЕФТА ограничивался временем вступления в ЕС, эта акция стала позитивным знаком способности этих стран к решению конструктивных задач. Это обстоятельство позволило связать с Вышеградской группой определенные надежды на возможности совместной мобилизации усилий стран региона в деле отстаивания своих интересов в рамках ЕС, чему мы и являемся свидетелями в настоящее время.

Для обозначения региона, в котором расположены страны Вышеградской группы, используются термины Центральная Европа, Срединная Европа,

¹ В литературе также встречается написание Вишеградская группа. – (Прим. Ю. Ш.).

² Deklarace o spolupráci České a Slovenské Federativní Republiky, Polské republiky, Maďarské republiky na ceste evropské integrace. – Режим доступа: <http://www.visegradgroup.eu/documents/visegrad-declarations/visegrad-declaration-110412-2>

Центрально-Восточная Европа. Рассуждая о том, что же представляет из себя этот регион, исследователи ссылаются на определение венгерского ученого Енё Сюча: «К Центральной Европе относится та часть Восточной Европы, которая всегда мечтала принадлежать к Западной Европе, но в той или иной форме всегда оставалась частью Европы Восточной»¹.

К дискуссии восточноевропейских ученых о Центральной Европе постепенно присоединились и западные коллеги. С их стороны, на рубеже 1990-х годов была попытка идентифицировать регион как культурно-территориальное взаимопроникновение, с присущим ему некоторым «мостовым мессианизмом», долженствующим преломлять и воссоединять одновременно контакты между Востоком и Западом Европы. Так, Милан Хонер связал возрождение в 1980-е годы дискуссии о Центральной Европе, по обе стороны «железного занавеса» именно с возможностью преодоления советско-американской гегемонии, разделившей регион на две части².

На наш взгляд четыре Вышеградских государства являются частью любой концепции Центральной Европы и создают ее ядро. При этом следует помнить, что это страны со сложной судьбой и обостренным чувством национально-государственной идентичности. Им свойственно особое геополитическое мироощущение, связанное с внешней уязвимостью от «больших держав», опасение последствий от любых масштабных сдвигов «баланса сил».

Отличительная черта этого региона состоит в том, что большая часть сегодняшней так называемой Центральной или Центрально-Восточной Европы – это бывшая Австро-Венгрия и в настоящее время там нет какого-то одного центрального связующего звена или доминирующего государства. Однако общее историческое прошлое, когда большая часть этих стран входила в состав Австро-Венгрии, способствует существованию в них единого культурного пространства Центрально-Восточной Европы³ и определяет общую идентичность региона.

После вступления в ЕС и НАТО, т.е. выполнения задач, которые ставила перед собой Вышеградская группа в момент своего создания, наступил новый этап Вышеградского сотрудничества, который начался с переосмысления характера ее деятельности и постановки новых задач. По сравнению с предыдущим данный этап отличался большей интенсивностью деятельности V4.

В мае 2004 г. «четверка» подписала новую декларацию о сотрудничестве. Официально она называется Декларация премьер-министров Чешской Республики, Венгерской Республики, Республики Польша и Словацкой Республики о сотрудничестве стран Вышеградской группы после их вступления в Европейский союз⁴. Стратегия и направления этого сотрудничества согласовываются на встречах глав правительств стран Вышеградской группы, которые собираются не реже двух раз в год, а в промежутках между ними – координируются председательствующей страной. В дополнение к этому не реже раза в год проходят неофициальные встречи на уровне президентов, парламентариев, глав министерств и ведомств. Текущие контакты обеспечивают специальные «вышеградские координаторы», которые назначаются каждым из четырех министерств иностранных дел. В объединении отсутствуют механизмы группового принуждения. Основными инструментами сотрудничества являются координация и консультации. Вышеградское сотрудничество не институализировано на политическом уровне.

В Декларации подчеркивалось, что сотрудничество стран Вышеградской группы будет сосредоточено на региональных мероприятиях и инициативах, направленных на укрепление самобытности Центрально-Европейского региона. Интеграция стран Вышеградской группы в европейские и евроатлантические структуры, отмечается в документе, открывает новые возможности и создает новые проблемы для их дальнейшего сотрудничества по вопросам, представляющим общий интерес.

Красноречивым доказательством активизации сотрудничества стран Вышеградской группы могут служить данные статистики. Согласно статистике с учетом встреч на различных уровнях (встречи президентов, премьер-министров, парламентариев, совещаний различных рабочих групп и организаций гражданского общества) и совместно реализуемых проектов по линии Вышеградского фонда, ежедневно проходит одно из мероприятий, организуемых V4⁵.

В сфере внимания участников группы вопросы, имеющие важное значение для региона. Это прежде всего проблемы энергетической безопасности, которым была посвящена специальная встреча премьер-министров (2010), так как зависимость «четверки» от поставок топлива выше, чем большинства других регионов ЕС. Вторым вопросом

¹Цит. по: Шишелина Л.Н. Расширение Европы на Восток и интересы России. М.: Наука, 2006. – С 60.

²Hauner M. Germany? But where Is It Situated? Germany in Central Europe, between East and West // Perspectives, 1994. N 3. Summer.

³Преображенский И. «Вновь Европа двух скоростей»? – Режим доступа: <http://gefeter.ru/archive/16495>

⁴Declaration of Prime Ministers of the Czech Republic, the Republic of Hungary, the Republic of Poland and the Slovak Republic on cooperation of the Visegrad Group countries after their accession to the European Union, 12 May 2004. – Режим доступа: <http://www.visegradgroup.eu/2004/declaration-of-prime>

⁵Český rozhlas Radio Praha Будущее Вышеградской четверки – сильный региональный альянс. – Режим доступа: <http://www.czech.cz/ru/Noticias>

было положение цыган в Центральной Европе. Приоритетами в совместной внешнеполитической деятельности стали взаимоотношения со странами Восточного партнерства и Западных Балкан. Вышеградской группе отводится в ЕС особая роль в процессе развития связей ЕС со странами Восточного партнерства (Украина, Белоруссия, Молдавия, Армения, Грузия, Азербайджан). Они призваны олицетворять для последних возможность пройти путь реформ, нацеленных на европейскую интеграцию, за короткий исторический отрезок времени.

Серьезным испытанием для солидарности стран – членов ЕС стал миграционный кризис 2015 г. Реакция ЕС на него привела к снижению солидарности между государствами – членами Евросоюза до такой степени, что обозначились различные группы, отстаивающие разные политические позиции. Так, позиция стран Вышеградской группы совершенно не совпадает с подходом Германии и Франции к проблемам миграционного кризиса. Страны V4 приняли общее решение не поддерживать схему распределения беженцев, которую с небольшим перевесом голосов приняла Еврокомиссия в сентябре 2015 г. Вопрос о том, следует ли Венгрии принимать на своей территории мигрантов, правительство страны вынесло на референдум, который прошел в начале октября 2015 г. и был признан несостоявшимся из-за низкой явки.

Лидеры Чехии, Венгрии и Польши подтвердили нежелание принимать беженцев, особенно мусульман, и неоднократно выступали с критикой решений ЕС по вопросам миграции¹. Несогласие стран Вышеградской группы с принятой в сентябре 2015 г. программой распределения беженцев (Польша проголосовала за нее, но затем пересмотрела свою позицию) было связано главным образом с решением Европейской комиссии сделать ее обязательной для всех стран².

В настоящий момент, когда обострились разногласия внутри ЕС относительно его дальнейшего развития, особенно важное значение приобретает единство стран – участниц Вышеградской группы по вопросам будущего европейской интеграции и регионального сотрудничества.

Страны V4 занимают отрицательную позицию по отношению к новой концепции «многоскоростной Европы», которую предложила Европейская комиссия для дальнейшего развития Евросоюза после Brexit. Концепцию, в соответствии с которой разные государства – члены ЕС будут интегрироваться в рамках союза с разной скоростью, продви-

гают некоторые государства во главе с Германией и Францией³. Свое видение будущего Европы страны Вышеградской группы сформулировали в декларации, которую главы их правительств приняли на встрече в Варшаве⁴.

В ней подчеркивается необходимость проведения реформы Евросоюза в связи с негативными изменениями в ЕС, а также во внешнем окружении. Любая модель будущего сотрудничества, указывается в документе, должна гарантировать интегральность, единство рынка, Шенгенской зоны и самого Евросоюза. Страны V4 не согласны на разделение в ЕС.

Суть готовящейся реформы заключается в разделии Европы, как минимум, на две группы – так называемых «быстрых» и «медленных» стран. В свете готовящихся реформ страны Вышеградской группы опасаются, прежде всего, возможного сокращения финансирования из бюджета ЕС [в среднем достигает 15–20% ВВП стран Восточной Европы]. Они отстаивают идею сохранения в полном объеме выплат из общего бюджета Евросоюза и выступают категорически против идеи Европы «двух скоростей». «Необходимо уделять большее внимание желаниям наших граждан. Вместо того чтобы вести бессмысленные дебаты вокруг идей “Большой Европы” или “Меньшей Европы”, мы должны сосредоточиться на концепции построения “Лучшей Европы”» – говорится в совместном заявлении премьер-министров Вышеградской группы. «Лучшая Европа», с их точки зрения, – это Европа, где большинство полномочий находится не в руках брюссельских бюрократов, а в руках национальных правительств. Но одной критики намерений Евросоюза недостаточно, чтобы повлиять на стратегию реформ. У стран Вышеградской группы отсутствуют реальные рычаги влияния на политику ЕС, кроме как угрозы выйти из этого союза. Однако ни население, ни политические элиты этих стран не готовы в настоящий момент покинуть ЕС. После того как страны Вышеградской группы реализовали свою стратегическую цель – вступили в ЕС, потенциал их сотрудничества исчерпан не был. В настоящее время оно позволяет четырем странам координировать позиции по основным вопросам европейского строительства и лоббировать специфические интересы региона в органах Евросоюза.

¹ Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2017/02/09/pub-67923>, с. 9.

² Вимон П. Миграция в Европе: преодоление кризиса солидарности. – Режим доступа: <http://carnegie.ru/2017/02/09/pub-67923> с. 11.

³ Гараева П. «Вышеградская четверка» против плана ЕС по «многоскоростной Европе». – Режим доступа: http://azertag.az/ru/xeber/_quotVyshegradskaya_chetverka_quot_protiv_plana_ES_po_quotmnogoskorostnoi_Evrope_quot-1045104

⁴ Страны Вышеградской группы приняли декларацию о будущем Европы. – Режим доступа: <https://www.pnp.ru/politics/2017/03/02/strany-vyshegradskoy-gruppy-prinyali-deklaraciyu-obudushhem-evropy.htm>

АРМИЯ ИЗ ОДНОГО ЧЕЛОВЕКА

Ольга Новикова,

зав. Отделом Европы и Америки ИНИОН РАН

Ключевые слова: терроризм, террорист-одиночка, террористический акт, джихадист, военный опыт.

В последнее время (с 2006 г.) 70% всех убийств, осуществленных в результате террористической активности, совершались террористами-одиночками¹. Существует общепринятое определение терроризма одиночек: угроза или применение насилия одним преступником (или маленькой ячейкой), действующим не из личных корыстных интересов, имеющим целью повлиять на широкую общественность и осуществляющим террористическое нападение без какой-либо прямой поддержки при его планировании, подготовке и проведении, чье решение не продиктовано какой-либо группой или другими лицами (но может быть вдохновлено ими)².

Известно, что террористические акты, осуществляющиеся террористами-одиночками, значительно труднее предотвратить, чем подготовленные террористическими организациями. Это понимают их руководители, и интенсификация деятельности террористов-одиночек во многом объясняется решимостью террористических групп использовать тактику террористов-одиночек, к чему они и призывают своих сторонников. Официальный представитель ИГ по работе со СМИ³ Абу Мухаммад аль-Аднани еще 21 сентября 2014 г. призывал своих сторонников превратиться в «одиноких волков» и осуществлять нападения, особенно если они не могут приехать в Сирию⁴. Джихадистский «Телеграм ченнел» («Telegram channel») снабжает «одиноких волков» информацией о методах и целях будущих нападе-

ний⁵. Публикуются материалы, призывающие «одиноких волков» на Западе превратить праздники в дни «террора и крови»⁶. В 62-м выпуске своей газеты «Аль-Наба», называя террористов-одиночек («одиноких волков») армией из одного человека, «Исламское государство» подстрекает мусульман следовать примеру нападений в Берлине, Ницце и Орландо, а также в Стамбуле⁷.

Террористами-одиночками становятся не только религиозно мотивированные люди, но и активно проявляющие себя в Европе носители крайне правой идеологии. В свете миграционного кризиса, захлестнувшего сейчас Европу, угроза насильственных действий правозащитнического толка возрастает. Большинство террористов-одиночек правозащитнической ориентации разделяют антииммигрантские и исламофобские взгляды, часто подкрепленные убеждением в превосходстве «белого» человека. Что же касается террористов-одиночек с религиозной мотивацией, они объясняют свои действия местью западным странам за их политику на Ближнем и Среднем Востоке, за поддержку Израиля, или за жестокое обращение с подозреваемыми в терроризме в иракской тюрьме Абу Грейб, или за карикатуры на пророка Мухаммада. Очевидно, что при выборе жертв на террористов-одиночек решающее влияние оказывает идеология. Они выбирают тех, кто, по их мнению, «заслуживает» нападения. Выбор цели совмещается с их политическими убеждениями и совпадает с образом врага. При этом, хотя от рук правых экстремистов пало большее количество жертв, террори-

¹ Global terrorism index 2015: Measuring and understanding the impact of terrorism / Institute for economics and peace. – N.Y.; Sydney; Mexico, 2015. – 108 p. – Mode of access: <http://economicsandpeace.org/wp-content/uploads/2015/11/Global-Terrorism-Index-2015.pdf> (Дата обращения – 28.03.2017.)

² Bakker E., de Roy van Zuijdewijn J. Lone-actor terrorism: Definitional workshop // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2015. – December, N 2. – 9 p.

³ до 30 августа 2016 г., когда он был убит.

⁴ Zarate J.C. Terror in Europe: Safeguarding US citizens at home and abroad / Center for strategic and international studies. – Wash., D.C., 2016. – 05.04. – P. 6.

⁵ Jihadist Telegram channel suggests attack methods, targets to lone wolves // SITE intelligence group. – Bethesda, MD, 2016. – 20.12. – Mode of access: <https://news.siteintelgroup.com/Western-Jihadist-Forum-Digest/jihadist-telegram-channel-suggests-attack-methods-targets-to-lone-wolves.html> (Дата обращения – 28.03.2016. – По подписке.)

⁶ Pro-IS group incites lone wolves in West to make holidays into days of «terror and blood» // SITE intelligence group. – Bethesda, MD, 2016. – 29.12. – Mode of access: <https://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/pro-is-group-incites-lone-wolves-in-west-to-make-holidays-into-days-of-terror-and-blood.html> (Дата обращения – 28.03.2016. – По подписке.)

⁷ IS promotes lone wolves as one-man armies, reports on Istanbul nightclub operation in Naba 62 // SITE intelligence group. – Bethesda, MD, 2017. – 05.01. – Mode of access: <https://news.siteintelgroup.com/Jihadist-News/is-promotes-lone-wolves-as-one-man-armies-reports-on-istanbul-nightclub-operation-in-naba-62.html> (Дата обращения – 28.03.2016. – По подписке.)

стов-одиночек, нападавших на гражданских лиц и действовавших по религиозным мотивам, было больше в процентном отношении (37%) (из правоэкстремистских побуждений нападало 25%, атаковавших школы было 20%)¹.

Главные мишени террористов-одиночек – гражданские лица, представители различных рас и этнических групп (азиаты, чернокожие, белые, цыгане, евреи), а также иммигранты и соискатели убежищ. Правительственные учреждения лишь в 17% случаев оказываются целями атакующих². Причины нападения именно на гражданских лиц могут быть объяснены двояко. С одной стороны, правительственные объекты охраняются, и на них труднее организовать нападение. С другой стороны, террористы преследуют цель посеять панику именно среди гражданского населения. В целом можно сделать вывод, что выбор цели нападения определяется двумя факторами: ограниченностью ресурсов и уровнем радикализации нападающего, т.е. его слабостью и его идеологией. При этом стремление получить поддержку общества играет второстепенную роль³.

Можно ли выявить основные черты и особенности террориста-одиночки? Что касается возраста, то подсчитано, что средний возраст террористов-одиночек – 29,7 лет. Этим доказывается ложность утверждения, что все преступники такого типа очень молоды⁴. Однако была выявлена следующая закономерность: представители старшей возрастной категории (более 40 лет) в почти половине исследованных случаев руководствовались крайне правой идеологией, в то время как более молодые преступники, тоже в почти половине случаев, действовали под влиянием определенных установок религиозного характера⁵.

Можно было бы предположить, что террористы-одиночки – это люди с военным опытом. Вы-

яснилось, однако, что это предположение неверно и касается лишь иностранных боевиков-террористов, связанных с террористическими организациями, которые обеспечивают им поддержку и обучают в тренировочных лагерях, а не «одиноких волков». Казалось бы, террористы с военной подготовкой и опытом участия в военных действиях могут быть более «эффективными» при нападениях с большим числом жертв. Однако теракт Брейвика, повлекший за собой многочисленные жертвы, показал, что террорист-одиночка без военного опыта может быть не менее опасен, чем опытный боевик. В то же время выяснилось, что если нападение планирует террорист с опытом ведения военных действий, оно предотвращается лишь в 18% случаев. Это значит, что боевой опыт помогает террористу не обнаружить себя на стадии планирования и подготовки теракта. Поэтому можно сделать вывод, что военная подготовка представляет собой лишь дополнительный фактор, а не самостоятельный индикатор при рассмотрении угроз, исходящих от террористов-одиночек.

Неожиданным оказался тот факт, что террористы-одиночки, в основном, употребляли для нападения огнестрельное оружие, а не взрывные устройства. От взрывов погибло не более 4% жертв. Представляется, что это связано со сложностью квалифицированного изготовления взрывчатого устройства. В целом можно сказать, что угроза, исходящая от террористов-одиночек, на первый взгляд, кажется не слишком большой, но эффективность их нападений очень высока, если они имеют доступ к огнестрельному оружию. Из всех единиц огнестрельного оружия, использованных во время террористических атак, 38% легально принадлежали нападавшим⁶. Большую обеспокоенность вызывают результаты одного из исследований, которые показывают, что из 15 террористов-одиночек, имевших разрешения на владение огнестрельным оружием, восемь – страдали от психических нарушений⁷. Проводились исследования, доказывающие, что эти заболевания особенно характерны именно для террористов-одиночек, а не для членов террористических организаций⁸. Приблизительно в 35% случаев нападений, осуще-

¹ Lone-actor terrorism: Analysis paper / Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Gomis B., Palombi S., Smith M. // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 4. – P. 8.

² Palombi S., Gomis B. Lone-actor terrorism: Attack methodology and logistics: Policy paper 2 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 6. – P. 3.

³ Becker M. Explaining lone wolf target selection in the United States // Studies in conflict and terrorism. – Abingdon-on-Thames: Taylor & Francis, 2014. – Vol. 37, Issue 11. – P. 970–971.

⁴ Meloy J.R., Yakeley J. The violent true believer as a «lone wolf»: Psychoanalytic perspectives on terrorism // Behavioral sciences and the law. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2014. – Vol. 32, Issue 3. – P. 351. – Mode of access: http://drreidmeloy.com/wp-content/uploads/2015/12/2014_TheViolentTrue.pdf (Дата обращения – 28.03.2017.)

⁵ De Roy van Zuijdewijn J., Bakker E. Lone-actor terrorism: Personal characteristics of lone-actor terrorists: Policy paper 1 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 5. – P. 9.

⁶ Lone-actor terrorism: Analysis paper / Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Gomis B., Palombi S., Smith M. // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 4. – P. 9.

⁷ De Roy van Zuijdewijn J., Bakker E. Lone-actor terrorism: Personal characteristics of lone-actor terrorists: Policy paper 1 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 5. – P. 11.

⁸ Corner E., Gill P. A false dichotomy? Mental illness and lone-actor terrorism // Law and human behavior / American Psychology-Law society. – Wash., D.C., 2015. – Vol. 39, Issue 1. – P. 30.

ствленных террористами-одиночками, у исполнителей терактов были зафиксированы нарушения психики¹.

Отличительной особенностью нападений психически неустойчивых «одиноких волков» является то, что их действия направлены на поражение целей и людей, которых они считают виновными в собственных несчастях. В то же время процент психически больных террористов-одиночек с религиозной мотивацией минимален. То есть террористы-одиночки с психическими отклонениями совершают преступление, как правило, не под влиянием какой-нибудь определенной идеологии (религиозной или крайне правой), а движимые другими идеями. Какими? У такого преступника может быть своя собственная идеологическая концепция, «слепленная» из разных идей. Или он может быть вовсе идеологически не мотивирован, и в этом случае чаще всего движим чувством личного разочарования и неудовлетворенности, иногда – стремлением к справедливости. Многие акты насилия бывают вовсе не связаны с собственной судьбой преступника, а мотивированы исключительно процессом его самоидентификации с определенной социальной, этнической или религиозной группой².

Особую сложность представляет проблема выявления террористов-одиночек. Существует целый ряд признаков, по которым можно разгадать намерения террористов. Накануне проведения терактов в поведении потенциальных преступников происходят определенные изменения: они допускают спонтанные высказывания радикального характера, их намерения угадываются во время контактов с властями, т.е. их радикализация проявляется в высказываниях политического свойства, или в поисках словесной или физической конфронтации с врагами. Другими словами, террористы-одиночки зачастую «оповещают» о своем намерении совершить насилие. Около половины всех преступников перед терактом вольно или невольно допускают «утечку» свидетельств, указывающих на их экстремистские взгляды, причем иногда это даже откровенные угрозы совершить теракт. При этом для преступников с религиозной мотивацией характерна «утечка» информации друзьям и членам семей, а праворадикальных экстремистов чаще выдают их высказывания в Интернете. 40% экстремистов праворади-

кального толка были разоблачены случайно, часто в процессе расследования других нарушений с их стороны³. В целом же спецслужбы уделяют первостепенное внимание не угрозе в лице ультраправых, а экстремистам религиозной направленности, что соответствует восприятию угроз странами ЕС.

Оказалось, что люди, которые прежде других замечают признаки подготовки актов насилия, – это друзья террористов, а не члены семей, священники или учителя в области общего, профессионального и школьного образования, как можно было бы подумать. Но друзья террориста, боясь последствий, редко информируют об этом соответствующие специальные службы.

Большинство террористов-одиночек (58%) в своей жизни до теракта не проявляли политической активности. Нужно отметить, что террористы-одиночки правоэкстремистского толка были в большей степени политически активны, чем «одинокие волки» с религиозной мотивацией⁴. Но из тех, кто как-то вовлечен в политику, около половины осуществляют контакт со своими политическими единомышленниками, обмениваясь экстремистской политической литературой и информацией экстремистского характера через социальные сети, загружают из Интернета видео, фотографии, статьи. Интернет для них – суррогат некоего сообщества, к которому, как кажется террористам-одиночкам, они принадлежат. В Интернете им предоставляется тактическая поддержка, помощь в поисках объемной и детализированной информации при подготовке теракта⁵, притом, активность в Интернете – отличительная черта именно террористов-одиночек. В европейских странах ведется работа по выявлению и уничтожению подозрительного онлайн-контента. В этом наибольшую пользу могут принести другие пользователи социальных сетей, способные заметить «утечку» информации от потенциальных преступников. Поэтому необходимо создавать механизмы, которые могут помочь пользователям распознать признаки готовящегося теракта и сообщить о нем.

Методы физической защиты потенциальных жертв нападений вряд ли могут быть эффективными, и ужесточение их или попросту невозможно, или приведет к секьюритизации с нежелательными

¹ Lone-actor terrorism: Analysis paper / Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Gomis B., Palombi S., Smith M. // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 4. – P. 7.

² Meloy J.R., Yakeley J. The violent true believer as a «lone wolf»: Psychoanalytic perspectives on terrorism // Behavioral sciences and the law. – Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2014. – Vol. 32, Issue 3. – P. 352. – Mode of access: http://drredmeloy.com/wp-content/uploads/2015/12/2014_TheViolentTrue.pdf (Дата обращения – 28.03.2017.)

³ Ellis C., Pantucci R. Lone-actor terrorism: «Leakage» and interaction with authorities: Policy paper 4 // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 8. – 7 / – P. 5.

⁴ Lone-actor terrorism: Analysis paper / Ellis C., Pantucci R., de Roy van Zuijdewijn J., Bakker E., Gomis B., Palombi S., Smith M. // Countering lone-actor terrorism / Royal united services institute for defence and security studies. – L., 2016. – February, N 4. – P. 15.

⁵ Скачивание учебников, просмотр обучающих видеороликов, планы внутренних помещений зданий, определение адресов для поиска потенциальных жертв.

последствиями для всего общества в целом. Конечно, предотвращение терактов – первостепенная задача в борьбе с терроризмом, но, прежде всего, необходимо создать в обществе условия для преодоления кризисов, в частности в таких областях как здравоохранение, изменить подходы в сфере коммуникаций и проведения следствия. После террористических нападений нужно поддерживать в обществе взвешенный и толерантный дискурс, особенно в отношении мусульманских и других религиозных и этнических меньшинств. Это необходимо для того, чтобы уменьшить риск последующих нападений, которые могут совершить подражатели или люди, движимые чувством мести. Не секрет, что имеет место такое явление, как «взаимная ра-

дикализация»: терроризм на религиозной почве провоцирует спонтанную реакцию правых экстремистов, и, в свою очередь, крайне-правый дискурс в отношении отдельных религиозных групп порождает ответ в виде джихадистской пропаганды. Для выявления религиозно ориентированных экстремистов необходимо активно работать с религиозными общинами и налаживать отношения доверия между ними и полицией. Однако эффективно бороться с агрессией религиозно ориентированных террористов-одиночек будет по-прежнему очень трудно, если отдельные страны не скорректируют свою нынешнюю политику на Ближнем Востоке и в Северной Африке.

Бюллетень публикуется Отделом проблем европейской безопасности Центра научно-информационных исследований глобальных и региональных проблем ИНИОН РАН с целью способствовать развитию конструктивного диалога по проблемам безопасности в Евро-Атлантическом регионе. Мнения авторов, высказанные на страницах бюллетеня, отражают их личную точку зрения и не обязательно совпадают с позицией ИНИОН РАН.

Редакционный совет:

Академик В.Г. Барановский

Генерал-майор в отставке В.З. Дворкин

Д-р полит. наук Д.В. Ефременко

Д-р полит. наук А.И. Никитин

Канд. истор. наук А.В. Загорский

Главный редактор – канд. истор. наук Т.Г. Пархалина

Ответственный секретарь – Т.В. Арзаманова

www адрес:

http://www.inion.ru/index.php?page_id=487

всего выпусков: 59 (на конец 2016)

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-2172